

АВТОГРАФ

Александр

ПАНКРАТОВ-ЧЕРНЫЙ:

Комсомолецкая правда - спец. приложение КП в Москве" - 1997. - 23 апр. - с. 4

«Уйду на пенсию и стану лесником»

- Сам с Алтая. В большую жизнь выскочил из деревушки Конево. Потомственный казак. Мой род Токи Токарева по материнской линии - самый древний у казаков на Дону. По отповской мы - черниговские. У меня есть настоящая шашка и орден Возрождение казачества под номером 2. Первый - у головного атамана. Я - почетный полковник казачьих войск. Некоторые меня называют сыном Ляли Черной. К этой замечательной актрисе и певице я никакого отношения не имею. (Правда, в молодости приходилось ей лично целовать руку). Дело в другом. Когда я впервые появился на «Мосфильме», туда вслед за мной пришел режиссер-тезка по фамилии Панкратов. Нас начали пугать. И тогда мы договорились изменить фамилии. Я был брюнетом и даже, как говорят друзья, родился с усами. Поэтому мне и придумали псевдоним «Черный», а мой однофамилец стал «белым». И на съезде молодых кинематографистов один профессор, обсуждая мою работу, особо подчеркнул: «Я имею в виду Панкратова-Черного!» Так и пошло.

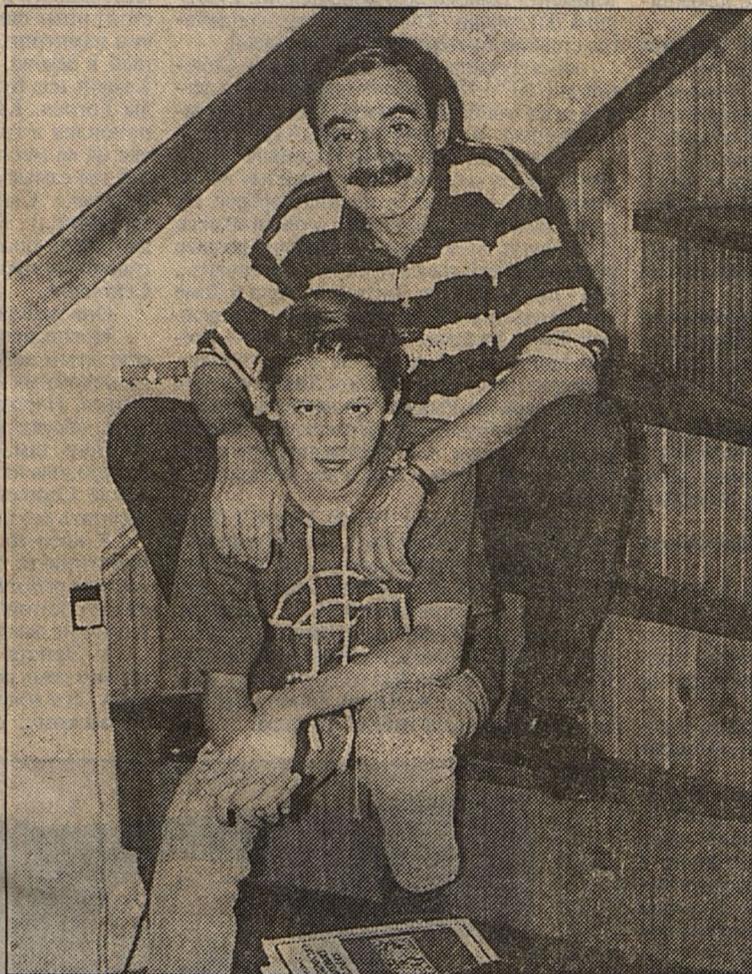

Фото из журнала «7 дней».

- С детства мечтали стать артистом? Нет, выступать в цирке. Однажды мы с мамой поехали с Камень-на-Оби, маленький такой городок у нас на Алтае. И я увидел настоящий цирк. Мне так понравились клоуны, рыжие, с красношлыми носами. Думаю про себя: вырасту и обязательно стану таким же. Приехал в родную деревню и взял за обустройство импровизированного манежа - в сарае, где хранилось сено. Протянул проволоку и приспособился ходить «по канатам» прямо в сандалиях. Позже научился жонглировать тремя камушками. Думал: раз камешками научился, значит, можно перейти и на факелы. Нарезал куски стальной проволоки, обмотал их тряпками и сунул в керосин. Поджог - удачная конструкция получилась. Начал жонглировать, и вдруг один факел у меня воткнулся в крышу и горит. А я маленького росточка был, прыгаю, прыгаю, достать не могу. Так сарай и сгорел. И вместе с ним сгорела моя детская мечта - хоть раз оказаться на манеже цирка. Дед у меня - крутой казак, очень популярно объяснил, что такое цирк в деревне. Старик делал это весьма доходчиво. Особенно если под рукой у него - вожжи. Но мне не повезло - деду попалась конская уздечка.

- Если человек о чем-то очень сильно мечтает, мечта обязательно сбывается. - Моя детская мечта сбылась благодаря режиссеру Надежде Николаевне Кошверовой. Она пригласила меня сниматься в детской картине «И вот пришел Бумба» в роли татарина Ахмета, чтоб выдавал себя за индуса, укротителя слонов. Я прочитал сценарий и понял: наконец-то окажусь на цирковом манеже, да еще рядом с живым слоном. Смешное всегда соседствует с трагическим. И вот на съемках этого фильма произошла одна грустная история. Мы с Валерой Золоту-

хиным решили сфотографироваться на спине слона (съемки проходили в Петербурге, прямо на улицах - тьма народу собиралась). Поставили стремянку, забрались на спину. Фотограф нас шелкнул, а лестницу кто-то убрал (на дворе - ноябрь, слона укутали одеялами и попонами, чтобы не замерз). Валерка говорит: «Ты берись за один конец попоны, а я с другой стороны - за второй. Так и спустимся». А попон много - я за одну схватился, Золотухин - за другую. И оба рухнули. Лечу мимо ушей слона и - раз - за что-то хватаюсь, стою на месте. Оказывается, за губу слона держу. Ему это не понравилось, и он начал мотать хоботом. Тут меня осенило: так же можно заставить слона катать себя на хоботе. Попробовал - и впрямь получилось. Актеры, как дети, Великий Сергей Эйзенштейн говорил ученикам: «Любите артистов, берегите их. Они, что дети. Помните об этом, но и не забывайте, что это - сукины дети». И вот Олег Басилашвили меня спрашивает: «Как ты умудрился укротить слона, да так, чтобы он еще тебя и на хоботе катал.» «Просто - за губу держу». Он понял и тоже покачался.

- Вы работали с великими актерами, кого хотели бы вспомнить?

- Мне повезло в жизни - я работал с Олегом Басилашвили, Зиновием Гердтом, Евгением Евстигнеевым, Татьяной Пельтцер, Сергеем Филипповым. Он старенький уже был, когда ему подарили однокомнатную квартиру - на юбилей. До этого вместе с супругой - детской писательницей - он жил в коммуналке (комната - метров 14). Удивительный человек. Когда я провожал Сергея Николаевича домой после съемок (нужно было пересечь проспект), питерская милиция перекрывала автомобильное движение. Филиппов не жаловал переходы и всегда говорил:

«Я не люблю ходить там, где мне указывают. Я хожу там, где хочу. Шурочка, пошли». - «Так здесь же нет перехода?!» - «Переход в другой стороне - далеко ватно для моего возраста». Мы шли через проспект, и милиция отдавала нам честь.

- 50 лет - это время подводить итоги?

- Анализируя прожитую жизнь, я думаю о том, что же мне помогало быть человеком. И понял: только добрые люди. Мне всегда на них везло. И в то время, когда поступал во ВГИК на кинорежиссуру, и когда меня запрещали в кино. Белла Ахмадулина запретила мне бросить поэзию. Она сказала: «Не смей, пиши, когда-нибудь это напечатается». И вот недавно вышла книга стихов. Готовятся вторая и третья. Четвертую напечатать в Нью-Йорке. Стихи, к сожалению, у меня трагические. Обычно по киноэкрану меня знают, как весельчака, в душе-то Панкратов - очень грустный человек. Со временем я пришел к мысли, что перестал стыдиться сентиментальности. Если пишу о любви к женщине, то без всякого стеснения. Некоторые друзья надо мной смеются, когда узнают, что очень люблю индийские фильмы. «А разве это кино можно любить?» А мне нравится - за музыку и пластику.

- Вам везло в жизни, в кино?

- Мне в кино только однажды не повезло. Я похоронил Марчелло Мastroяни. Всю жизнь мечтал сыграть с великим мастером в одном фильме. И вот написали сценарий для фильма «Тайны Марчелло». Я должен был сыграть Мastroяни в молодости. Мы уже сняли несколько сцен, и Марчелло уехал в Рим, потом скончался в Париже. Я потерял роль, а мир - великого человека. У меня как актера и кинорежиссера возникали моменты, когда приходилось выбирать - либо уйти из кино, либо вернуться в театр. Но всегда оставался запасной вариант - я мечтал: когда выйду на пенсию (хотя навряд ли доживу до этого времени), то обязательно стану лесником. Люблю русский лес, одиночество. Знаете, когда Олега Даля, моего друга, спросили на одном творческом вечере в Доме ученых о самой сокровенной мечте, он грустно улыбнулся и сказал: «Я уже ни о чем не мечтаю. Голы не те». Так и мне уже почти ничего не хочется. Я всего достиг, и мне в принципе надо умирать. И если бы мне Господь в отрочестве сказал: «Чего ты хочешь?» - я бы только об одном попросил: «Оставь меня во чреве у матери до будущего».

Сергей АВЕРКИН.